

Юйцин рос на редкость незлопамятным: чужую доброту помнил долго, а вот обиды забывал мгновенно. Стоило ему вкусно поесть да вздремнуть часок-другой, как все невзгоды улетучивались, и он снова с радостью собирался на улицу.

Накануне вечером Чжоу Хуэй, развязывая платок на шее сына, сразу поняла, что вещь дорогая — настоящий натуральный шелк. Узнав, что платок принадлежит Фу Жуньшэну, она тут же велела Юйцину вернуть его хозяину. Чжоу Хуэй, конечно, души не чаяла в своем Доудоу, но была о нем далеко не самого лучшего мнения. Что бы сын ни говорил в свое оправдание, матери казалось, что этот сорванец опять где-то напроказил.

И надо сказать, грешки за Юйцином действительно водились. То ворвется в чужой огород и оборвет недозрелые шляпки подсолнухов, то наворует с дерева кислых зеленых абрикосов, а уж сколько раз его тряпичные мячи пачкали соседское белье на просушке — и не сосчитать. Каждый раз Чжоу Хуэй принималась терпеливо втолковывать сыну, что так делать нельзя, а под конец легонько шлепала его по заднице. На этом материнский долг считался исполненным. Наказывать строже она не могла: во-первых, самой было жалко любимца, а во-вторых, строгая бабушка Доудоу тут же подняла бы крик.

Впрочем, злого умысла в проделках Юйцина никогда не было. Мальчишка просто любил поозорничать: стоило ему заиграться, как он напрочь забывал обо всем на свете. С него всё стекало как с гуся вода. К счастью, во дворе хватало и других сорванцов, на фоне которых проказы Юйцина казались сущими пустяками. К тому же рос он на редкость обаятельным и милым ребенком, так что соседи, даже устав от его шалостей, лишь беззлобно качали головами: «Ну и егоза!» — да и только.

В такой благодатной атмосфере Юйцин рос безмятежным и, пожалуй, излишне легкомысленным ребенком. Спустя много лет он и сам с грустной улыбкой признавал свою тогдашнюю беспечность.

Но тогда, в девять лет, он и не думал размышлять, что не так с Фу Жуньшэном. Для маленького Доудоу тот был всего лишь сверстником со странностями, а чудаков вокруг хватало — у кого из соседей не было своих бзиков? Вот, например, у бабки Маганьэра характер был еще тот: она наотрез запрещала кому-либо ходить мимо своего крыльца. Или взять огромную овчарку мастера Чжао из флигеля напротив — та вообще отличалась редким упрямством. Собака обожала сидеть под клеткой с попугаем отца Эрпана и истошно выть. Довела птицу до того, что несчастный попугай забыл все человеческие слова и теперь только лаял как безумный, доводя хозяина до белого каления.

С вечера Юйцин договорился с Эрпаном и остальными ребятами пойти на берег реки запускать змея, поэтому с самого утра первым делом побежал к Фу Жуньшэну, чтобы поскорее отдать шелковый платок.

Дверь квартиры отворилась только после того, как он долго и настойчиво стучал. На пороге показалась мать Жуньшэна — нарядная, в длинном струящемся платье, с туфлями на шпильках в руке.

Будь на месте Юйцина взрослый мужчина, он бы наверняка лишился дара речи от такой красоты. Однако девятилетний мальчуган, хоть и хлопал своими огромными глазами, в женской прелести ничего не смыслил и просто выпалил:

— Тетушка, а я к Жуньшэну.

Женщина смерила его холодным, высокомерным взглядом и, не проронив ни слова, повернулась и ушла вглубь квартиры.

Дверь осталась приоткрытой. Юйцин помялся на пороге, почесал растрепанную макушку и, не выдержав, все-таки заглянул внутрь.

Квартира Жуньшэна казалась огромной. В глаза бросалось диковинное убранство, какого Юйцину еще никогда не доводилось видеть, а под самым потолком просторной гостиной сияла роскошная хрустальная люстра. В те годы большинство семей все еще пользовались простыми тусклыми лампочками. Даже люминесцентные лампы в доме Юйцина считались непозволительной роскошью, а здешняя обстановка и вовсе ошеломляла. Мальчик застыл с разинутым ртом, завороченно глядя, как переливаются грани хрустальных подвесок.

Тем временем женщина неторопливо достала связку ключей и отперла одну из комнат.

— Понял наконец свою ошибку? — донесся ее ледяной голос.

Из комнаты раздался тихий, покорный голосок Жуньшэна:

— Понял. Я больше никогда так не буду.

— Вот и ладно, — равнодушно отозвалась мать. — К тебе пришли.

Жуньшэн вышел в прихожую. На его переносице криво сидели старые, потрепанные очки с треснувшей оправой. Заметив мнущегося у двери друга, он нехотя побрел навстречу.

— Что случилось?

За окном стояла чудесная весенняя погода, и яркие лучи солнца заливали нарядную гостиную, но лицо Жуньшэна казалось блее мела.

Юйцин поспешно вытащил из кармана аккуратно сложенный платок:

— Вот, моя мама его постирала. Забирай.

Жуньшэн мгновенно изменился в лице. Он со страхом оглянулся на стоявшую неподалеку мать.

Женщина быстрым шагом подошла к ним и молча уставилась на зажатый в руке Юйцина лоскут шелка.

Шелк действительно был на диво хорош, и даже такой сорванец, как Юйцин, понимал, сколько труда вложено в эту вещь: вышитая на ветке цветущей сливы сорока казалась совсем живой, готовой вот-вот взмахнуть крыльями и улететь.

Юйцин хоть и рос беззаботным, но дураком не был. Почувствовав, как в воздухе запахло грозой, он робко пролепетал:

— Тетушка, не сердитесь, пожалуйста... Это я сам у него платок выпросил.

Мать даже не взглянула на гостя. Она в упор уставилась на сына:

— Кто разрешил тебе его трогать?

Мальчик промолчал, упрямо сжав губы.

— Я тебя спрашиваю! — Голос женщины сорвался на визг. — Сколько раз ты уже воровал вещи из дома? Отвечай!

В ответ не раздалось ни звука. Терпение матери лопнуло, и она с размаху пихнула его ногой. Жуньшэн покачнулся, едва удержавшись на ногах, но тут же упрямо выпрямился.

Юйцин оцепенел от ужаса.

— Говори, дрянь такая! — рассвирепела она.

Она уже замахнулась для нового удара, как вдруг Юйцин, не помня себя от страха, заслонил собой друга:

— Тетушка, не надо, пожалуйста, не бейте его!..

Женщина приложила немало силы, и тяжелый пинок пришелся Юйцину прямо по бедру. Вскрикнув от боли, мальчик повалился назад и спиной врезался в грудь Жуньшэна. Тот чисто инстинктивно подхватил его, не дав упасть.

Не ожидавшая такого вмешательства женщина растерянно замерла. Прошло несколько долгих

секунд, прежде чем она произнесла совершенно бесцветным, лишенным всяких чувств голосом:

— Цел хоть?

Из глаз Юйцина брызнули слезы, но он упрямо протянул шелк вперед:

— Тетушка, не сердитесь больше... Заберите платок.

Мать Жуньшэна смирила его странным, нечитаемым взглядом, но стоило ей приоткрыть рот, как в глубине квартиры зазвонил телефон.

Она поспешно скрылась в комнате, чтобы снять трубку. Вернувшись через минуту, женщина на ходу бросила:

— Мне пора ехать. — И, в упор посмотрев на сына, жестко добавила: — Поговорим, когда я вернусь. Попробуй только куда-нибудь деться.

Жуньшэн упрямо уткнулся взглядом в пол и не проронил ни звука.

Едва за дверью затих цокот каблуков, Юйцин шмыгнул носом и во весь голос разревелся:

— Ну и злющая у тебя мамка! — Он принялся тереть ушибленную ногу, плача еще пуще: — Больно-то как, мамочки!..

Жуньшэн мрачно зыркнул на него из-под лба:

— Сам виноват. Кто тебя просил?

Обиженный Юйцин пропустил колкость мимо ушей и сквозь всхлипы спросил:

— А тебе разве не больно?

— Подумаешь, — угрюмо буркнул Жуньшэн. — Боль — дело житейское.

Но у Юйцина на этот счет было другое мнение: обида захлестнула его с головой, и он продолжал голосить на весь дом, точно пожарная сирена:

— Да нет же, жуть как больно!

Жуньшэн молча опустился на пол рядом с ним. Размазывая ладонью слезы и сопли, Юйцин поднял глаза и обнаружил, что друг пристально наблюдает за ним.

— Зачем ты подставился? — Голос Жуньшэна прозвучал глухо и хрипло, будто у него перехватило горло.

— Ну... не хотел, чтобы она тебя била, — утирая слезы рукавом, прохныкал Юйцин.

— А тебе-то что за дело? — допытывался тот. — Моя мать, хочет и бьет. Тебе какое дело?

Ответить на это Юйцин не мог, поэтому упрямо повторил:

— Какая разница! Просто не хотел и всё.

Взгляд Жуньшэна выражал крайнюю растерянность наполовину со злостью. Юйцин сам не знал почему, но этот взор напомнил ему овчарку мастера Чжао. Когда мальчик впервые подошел к ней с костью, пес смотрел на него точно так же — дико и недоверчиво.

— Глупости какие-то, — недоуменно повторил Жуньшэн. — Не надейся, я тебе за это ничего не дам. Никакой выгоды ты не получишь.

В голове заревавшего Юйцина все окончательно смешалось. Он шмыгнул носом:

— О чем ты вообще говоришь?

Жуньшэн уставился на него в упор:

— Ну так что, хочешь быть моим прихвостнем? И во всем меня слушаться?

Юйцин удивленно захлопал ресницами:

— Это еще с какой стати мне тебя слушаться?

Лицо Жуньшэна мгновенно потемнело:

— Так пойдешь ко мне в шестерки или нет?

— Вот еще! — фыркнул Юйцин. — У меня уже есть старший брат, он в университете учится! — Тут боль в ноге снова дала о себе знать, и он опять захныкал: — Всё, я домой пошел.

Но Жуньшэн вдруг вцепился в его запястье:

— Стоять! Не пущу!

Юйцин попытался вырваться, но хватка у Жуньшэна оказалась на удивление крепкой — пальцы словно железные тиски сдавили руку. Как ни крутился, освободиться не получалось.

— Да пусти ты! — Юйцин обиженно надул губы. — Платок я тебе вернул, отпусти, мне домой надо!

— Будешь играть со мной! — упрямо и деспотично потребовал Жуньшэн.

Такое чудесное утро пошло наперекосяк: мало того что его ни за что ни про что пнули, так теперь еще и уйти не дают! Терпение Юйцина лопнуло.

— Не буду! — вскипел он.

— А я говорю, будешь!

— Не дождешься! — Юйцину наконец удалось с силой выдернуть ладонь. — Вечно ты вредничаешь! Всё, я с тобой вообще больше знатья не желаю!

Выпалив это, он развернулся и бросился прочь.

Однако, выскочив во двор, он вдруг почувствовал какую-то смутную тревогу. Юйцин оглянулся и сквозь открытую дверь увидел, что Жуньшэн по-прежнему сидит на полу, низко опустив плечи. Они мелко вздрагивали, словно мальчик беззвучно смеялся.

От такой наглости Юйцин аж задохнулся от возмущения: это над чем он там потешается? Забыв про боль, он прихрамывая вернулся назад и сердито крикнул с порога:

— Эй!

Жуньшэн не шелохнулся.

Юйцин подошел ближе и заглянул ему в лицо. Никакой это был не смех. Парень сидел, крепко сжав зубы, а по его щекам градом катились слезы.

Жуньшэн горько плакал.

Злость Юйцина как ветром сдуло, уступив место укорам совести. Он присел на корточки перед другом, заглядывая ему в глаза:

— Ну ты чего?.. Что случилось-то?

Тот не ответил, лишь беззвучно шмыгнул носом.

Юйцин в замешательстве почесал затылок, а потом мягко взял его за руку:

— Мы тут на реку собрались, воздушного змея запускать. Пойдем с нами, а?

<http://bllate.org/book/19415/1943337>